

Во второй половине дня Цзян Шэнь вернулся в Восточный дворец на императорской колеснице.

Маленький евнух, дежуривший у ворот дворца, поспешил вперёд, чтобы помочь ему спуститься, заглянул в колесницу — и удивлённо выдохнул:

— А?

Цзян Шэнь бросил на него взгляд:

— Что?

— Н-ничего, — евнух быстро опустил голову.

Его Высочество Наследный принц утром уезжал вместе с тем молодым господином, а сейчас по какой-то причине вернулся один.

Неужели... поругались?

Тот юноша, которого привёл наследный принц, жил в Восточном дворце уже несколько дней, но увидеть его довелось немногим слугам. Всё потому, что Его Высочество оберегал его слишком тщательно, не позволяя никому вмешиваться.

Маленькому евнуху просто повезло: он обычно дежурил у входа и несколько раз видел, как наследный принц выводит и приводит юношу.

И каждый раз — держит его за руку, будто боится, что тот упадёт.

Последние дни дворец тихо роптал о том, что наследный принц чересчур привязался к человеку неизвестного происхождения.

Но евнух только усмехался: просто они никогда не видели юношу вблизи.

Тот мальчик был такой красивый.

По правде говоря, за всё время службы во дворце он повидал множество наложниц и красавиц, но ни одна из них не могла сравниться с этим юным господином даже на десятитысячную долю.

Такой красавец заслуживает того, чтобы его лелеяли, носили на руках, баловали.

Но если владыка дарует милость — он может и забрать её обратно.

За годы службы евнух видел такое бесчисленное количество раз: красавица, вошедшая во дворец в блеске фавора, спустя недолгое время становилась никому не нужной и заканчивала в толпе забытых наложниц.

Неужели с тем мальчиком случилось что-то подобное?

Евнуху стало жалко.

Но слугам нельзя гадать о поступках господина — эти мысли пронеслись в его голове за миг, и он всё же не посмел ничего сказать. Только произнёс:

— Ваше Высочество, позвольте слуге забрать одежду.

Цзян Шэнь держал в руках скомканный плащ.

Евнух хотел было протянуть руку, но Цзян Шэнь сделал полшага назад, и евнух даже не коснулся края.

— Не нужно, — спокойно сказал Цзян Шэнь, без всякого выражения. — Смотри за своей дверью.

С этими словами он быстрым шагом направился во дворец, сжимая одежду в руках.

У дверей опочивальни стоял молодой человек в чёрном. Увидев возвращающегося Цзян Шэня, он поспешно шагнул вперёд:

— Ваше Высочество, у меня важное дело...

— Подожди, — Цзян Шэнь даже не остановился, перебил его слова, толкнул дверь и вошёл внутрь.

Юй Сю по инерции хотел было последовать за ним, но Цзян Шэнь, не оглядываясь, ногой захлопнул дверь перед самым его носом.

Юй Сю: — ...

В спальне Цзян Шэнь подошёл к кровати, осторожно положил на неё свёрток одежды, развернул плащ и несколько слоёв ткани, обнажая маленькое существо внутри.

Большой живой человек превратился у него на глазах в лисёнка — даже если Цзян Шэнь заранее знал, что юноша маленький оборотень, увидеть такое было шоком.

Кто бы мог подумать, что этот маленький оборотень не только опрокинет один бокал, но и напьётся настолько, что мгновенно вернётся к своей истинной форме.

И ещё говорил, что он не глупый!

Цзян Шэнь опустился на колени у кровати и потрогал маленький пушистый комочек.

На ощупь — чудесно.

Он не выдержал и погладил ещё несколько раз. Лисьи ушки слегка дрогнули, но лисёнок продолжал крепко спать.

Цзян Шэнь ещё немного поиграл с пушистиком, а потом вдруг вспомнил кое-что и достал из-за пазухи нефритовый кулон бледно-розового цвета.

С того момента, как юноша признался ему, что именно он подарил этот нефритовый кулон, Цзян Шэнь перестал расследовать происхождение вещи. Вернувшись в столицу, он приказал вернуть кулон и с тех пор всегда держал его при себе.

Из бледно-розового нефрита был вырезан пухленький маленький лисёнок.

Цзян Шэнь посмотрел на кулон, затем — на лисёнка перед собой.

До этого момента он всегда считал, что резьба выглядит немного искажённой: как у лисы может быть такая круглая, упитанная мордочка?

Но...

Он положил кулон рядом с лисёнком и внимательно сравнил.

Совпадает полностью.

Оба — круглые, словно клубочки.

Его Высочество Наследный принц так увлёкся, что совсем забыл о людях, которые ждали его снаружи. Лишь когда стоявший за дверью молодой человек не выдержал и тихо постучал, позвав его, Цзян Шэнь наконец очнулся.

Он поднял нефритовый кулон, аккуратно завернул маленького лиса в плащ, лежавший на кровати, и поднялся.

Когда он открыл дверь, он уже снова был тем самым высоким, зрелым и строгим Наследным принцем.

Цзян Шэнь вышел из опочивальни, повернулся, аккуратно закрыл дверь и лишь затем спросил:

— Что тебе нужно?

Юй Сю:— ...

Юй Сю, пожалуй, был самым обиженным человеком за последнее время.

Будучи командиром гвардии, он с детства почти не отходил от Наследного принца — разве что когда выполнял задания. Но в последнее время Его Высочество не позволял ему сопровождать себя на выходах, запрещал находиться рядом во время дел в рабочем кабинете и даже не подпускал к дверям спальни, когда обсуждал что-то тайное.

Со стороны можно было подумать, будто около него объявился какой-то демон.

Юй Сю ругался про себя, но внешне оставался серьёзным и невозмутимым.

— По приказу Вашего Высочества подчинённый допрашивает Господина Ли, настоятеля храма. Ваш подчинённый уже допрашивает его три дня и три ночи, но...

— До сих пор не говорит? — спросил Цзян Шэнь.

Юй Сю покачал головой:

— Господин Ли всё ещё настаивает, что хотел искоренить мятежников ради Вашего Высочества, и принял решение сам, никого не ставя в известность.

— Учёный человек, а врёт так неумело, — холодно усмехнулся Цзян Шэнь. — Третий брат сейчас под домашним арестом по указу Императора — даже если бы он и искоренил меня как мятежника, смог бы он этим оправдать третьего? Не говоря уже о солдатах, которые погибли: откуда они взялись, кто дал ему сырую нефть? Прошло столько дней, а он не может объяснить ни единой детали. На что он рассчитывает?

Юй Сю опустил голову:

— Подчинённый бессилен.

— Ты ни при чём, это я недооценил его, — отмахнулся Цзян Шэнь. — Всё-таки он учёный, упрямый, с характером. Таких нелегко сломить.

Юй Сю спросил:

— Продолжать допрос?

Он колебался секунду и добавил:

— Подчинённый считает, что если нынешние методы не работают, то дальше... придётся прибегнуть к пыткам.

Господин Ли был уже немолод и слаб здоровьем, и Цзян Шэнь опасался, что тот не выдержит пыток, поэтому до сих пор запрещал применять их.

Но без пыток выбить признание из такого упрямого человека было действительно трудно.

Цзян Шэнь замолчал.

После долгой паузы он спросил:

— Как там третий?

— Его Высочество Третий принц всё ещё под домашним арестом в собственном дворце, под личным надзором гвардейцев Императора, — ответил Юй Сю. — Похоже, они пока не знают о том, что произошло в родовом храме.

Цзян Шэнь кивнул:

— Это совпадает с показаниями Ли Хунчжуна.

Согласно словам господина Ли, всё было спланировано им самим. Хотя якобы — ради Третьего принца, сам Третий принц обо всём этом не имел ни малейшего представления.

Юй Сю спросил:

— Нужно ли послать кого-нибудь для проверки?

По идее, никому нельзя посещать человека, находящегося под домашним арестом по личному приказу Его Величества.

Но Император разрешил Цзян Шэню действовать в этом деле свободно — вплоть до самостоятельного допроса третьего принца.

Однако Цзян Шэнь покачал головой:

— Не спеши. Если и пойду, то только сам.

Юй Сю хотел возразить:

— Но...

— Не волнуйся. Он сейчас всего лишь арестант. Как бы он меня ни ненавидел, он не посмеет ничего сделать, — тихо вздохнул Цзян Шэнь. — Но до сих пор я не могу понять: зачем он хотел меня убить?

Третий принц родился у наложницы. Его мать умерла при родах, и когда он оказался одинок и беззащитен, именно императрица сама взяла его и растила как собственного сына.

Императрица была доброй женщиной и всегда относилась к нему как к родному.

Иногда, когда между Цзян Шэнем и Цзян Янем возникали ссоры, она даже чаще вставала на сторону Цзян Яня.

Среди всех детей императора именно отношения Цзян Шэня и Цзян Яня были самыми близкими.

Вот почему Цзян Шэнь до сих пор не понимал, как тот маленький мальчишка, который с детства бегал за ним хвостом и звал его братом, вдруг стал первым, кто попытался его укусить.

Но то, что случилось под столицей, действительно было делом его рук.

Когда Цзян Шэнь привёл поддельное секретное письмо, чтобы выманить его в столицу, вскоре после этого в особняке третьего принца нашли такую же фальшивую секретную печать.

Подделка государственной печати и покушение на наследного принца — две несомненные статьи, без малейшей возможности оправдаться.

Цзян Шэнь закрыл глаза и перестал размышлять об этом.

— Ли Хунчжун... пусть помучается ещё пару дней, — сказал он. — Если снова не удастся выбить из него слова, я сам пойду в тюрьму.

Будь он прежним — уже бы отправился туда, не желая затягивать и допуская побочные последствия.

Но...

Кто виноват, что его маленький лисёнок всё ещё пьян?

Цзян Шэнь машинально повернул голову и посмотрел в сторону спальни.

Надо присматривать за этим ошалевшим лисёнком.

Его Высочество ещё не взойшёл на трон, а уже вёл себя как правитель, ослеплённый красотой.

Но Цзян Шэнь не видел в этом ничего плохого. Он подумал и сказал:

— В тюрьме поставь людей следить, чтобы никто не умер. А я сам должен заняться одним важным делом.

Юй Сю выпрямился:

— Ваше Высочество, приказывайте.

Цзян Шэнь серьёзно сказал:

— Сейчас выйдешь из дворца, пойдёшь среди простого народа и соберёшь для меня странные истории.

Юй Сю: — ?

Он заморгал, растерянный:

— Какие... истории?

— Народные рассказы о нечисти, — сказал Цзян Шэнь. — Такие, где главный герой — маленький оборотень. И легенды о духах тоже подойдут. Принеси мне побольше.

Цзян Шэнь слишком мало знал о оборотнях.

Например, он не знал, что оборотни не могут пить алкоголь и при опьянении возвращаются к истинной форме.

Если бы он знал — никогда бы не дал лисёнку тот бокал.

А теперь он даже не понимал, когда лисёнок очнётся и сможет ли снова стать человеком.

Цзян Шэнь решил срочно восполнять пробелы в знаниях.

Народные легенды не всегда правдивы, но, как говорится, без ветра нет волн. Прочитать множество историй — и использовать их хотя бы как ориентир.

Отослав командира собственной гвардии, Цзян Шэнь вернулся в спальню.

Лисёнок всё так же крепко спал на кровати. Цзян Шэнь осторожно вынул его из вороха одежды, уложил под одеяло, сам снял верхнюю одежду, обувь и лёг рядом.

Он обнял маленький пушистый комочек.

Почувствовав знакомый запах, лисёнок потянулся и сам прижался к нему.

Хотя лисёнок был пьян, от него совсем не пахло алкоголем — лишь свежей травой и лесом.

Как лунатик, он, не открывая глаз, взобрался на тело Цзян Шэня. Добравшись до груди, уткнулся головой в его плечо и мягко потоптался двумя маленькими лапками у него на груди.

Затем снова улёгся.

Очевидно, он делал это уже не в первый раз — движения были слишком привычными.

С лёгкой улыбкой на губах Цзян Шэнь погладил его по затылку и привычно потер ему шею.

И вдруг в голове вспыхнул странный образ.

Снежная равнина.

Пронизывающий холод.

Он лежит на земле, не в силах пошевелиться, тело почти онемело от мороза.

И лишь крошечное тёплое пятнышко на груди.

Он открыл глаза — и увидел пару ясных, прекрасных красных глаз.

А потом?..

Цзян Шэнь попытался вспомнить дальше, но в голове резко кольнуло болью, и рука, обнимавшая лисёнка, непроизвольно сжалась сильнее.

Через какое-то время напряжение спало, дыхание выровнялось, хотя оставалось тяжёлым.

С тех пор как юноша появился рядом с ним, Цзян Шэнь будто меньше цеплялся за потерянные воспоминания прошлого.

Но меньше — не значит не хотел.

Они были дороги ему: как они встретились, что произошло между ними, каждый день, каждая минута, проведённая вместе — он не хотел терять это.

Но за такой долгий срок он понял: память нельзя вытянуть силой.

Может, именно потому его душа немного расслабилась.

А может — оттого, что сегодня он впервые после возвращения в столицу увидел истинный облик юноши.

Так или иначе, впервые за всё время ему вспомнилось нечто связанное с маленьким лисом.

Пусть и лишь отдельные обрывки.

Цзян Шэнь глубоко вздохнул, медленно приходя в себя.

Это хорошо, сказал он про себя.

Пусть немного — но лучше, чем ничего.

Потихоньку.

Солнце во дворце стояло в самом приятном положении, делая воздух расслабляющим и тёплым.

Цзян Шэнь взял лежавшее рядом тонкое одеяло, укутал себя и лисёнка и погладил маленькую голову.

Закрыл глаза.

И вскоре заснул.

Он редко позволял себе дневной сон и проспал на этот раз долго.

Когда очнулся, мысли были туманными.

Пушистого комочка, который лежал у него на груди, уже не было.

Цзян Шэнь не открывая глаз, машинально потянулся рукой в сторону.

Он долго нащупывал — и ничего не нашёл.

Цзян Шэнь распахнул глаза.

Снаружи уже почти смеркалось, и тёмные оранжевые лучи заходящего солнца проникали в зал сквозь окна.

Он быстро огляделся — ярко-красного клубочка нигде не было.

— Маленький лис? — Цзян Шэнь мгновенно пришёл в себя, вскочил с кровати. — Лисёнок, ты где?

Раньше юноша никогда не уходил, пока он спал.

Даже если просыпался рано утром и очень хотел есть, он не выбегал к слугам — а тихо ждал, пока Цзян Шэнь проснётся, и только тогда тихо начинал его умилять.

Как же он мог исчезнуть?

Неужели, став лисом, он потерял человеческие привычки и память?

Цзян Шэнь в тревоге обшарил зал несколько раз, но так и не нашёл его.

Уже размышлял, не выйти ли искать во двор, когда краем глаза заметил движение.

В гардеробной, в шкафу, в дверце была приоткрыта маленькая щёлка.

Цзян Шэнь тихо подошёл — и действительно увидел в просвете крохотный ярко-красный пушистый кончик.

Он осторожно распахнул дверцу.

В шкафу лежало множество сложенной одежды, и лисёнок был слишком маленьким — его нельзя было увидеть сразу.

Если бы не кончик хвоста, который слегка выглядывал из груды одежды...

Цзян Шэнь с облегчением выдохнул, протянул руку и мягко ущипнул кончик хвоста.

Хвост дёрнулся назад.

На этот раз он спрятался идеально.

— Выходи, — подождал Цзян Шэнь немного. В шкафу ничего не происходило, и он уже начинал сердиться. — Что ты там делаешь? Тебе там не скучно?

Из глубины одежды раздался приглушённый голос мальчишки:

— Нет... не душно.

Ну хоть разговаривает — и то хорошо.

Цзян Шэнь сказал:

— Выходи. Если сам не выйдешь — поймаю.

Ком пододвинувшейся одежды слегка шевельнулся, но никакой лис не появился — наоборот, казалось, что он забирается ещё глубже.

Цзян Шэнь недовольно фыркнул, одной рукой раздвинул груды одежды, другой метко, словно

молнией, схватил пушистое нечто — и резко вытащил наружу.

И тут же услышал целую очередь скороговоркой:

— Прости! Я не хотел тебя обманывать, я правда оборотень, но я сейчас не могу обратно превратиться, не смотри на меня, я не хочу тебя напугать!

Всё это вылетело без остановки.

Цзян Шэнь посмотрел на маленького лиса, который болтался у него в руках, беспомощно дрыгая лапами, — и только спустя мгновение понял главное во всей этой тираде.

— Ты... прятался потому что боялся напугать меня? — спросил Цзян Шэнь.

— Разве вы, смертные, не очень боитесь чудовищ? — лисёнок пару раз дёрнулся, убедился, что вырваться не сможет, и бессильно повис, болтая лапками. — Я страшный? Не бойся меня, ладно? Я никому никогда не причинял вреда...

Шерсть по всему его телу взъерошилась, превратив его в ещё больший пушистый шар.

Красивые красные глаза заблестели, наполнились влагой, и он, не смея смотреть на Цзян Шэня, понуро опустил головку.

Цзян Шэнь долго смотрел на него, едва удерживаясь, чтобы не рассмеяться.

Потом серьёзно сказал:

— Да... ты действительно довольно страшный.

<http://bllate.org/book/14444/1277249>